

Глава 22. Смута

Когда Вэй Люхуа тайком пришла к дому Цю Хуаняня, тот как раз возился в небольшом огороде во дворе.

Земля уже была вскопана и разделена на ровные гряды. Юноша втыкал в рыхлую почву по обе стороны от борозд длинные шести толщиной в монету, которые насобирал в лесу. Он связывал их по шесть штук, сооружая опоры для бобов — таких грядок он высадил две, отведя их под даодоу.

Даодоу растет быстро: этих двух делянок с лихвой хватит семье на всё лето и осень, особенно если тушить их с мясом.

На остальном пространстве он высадил по грядке белой капусты, баклажанов и чили. С учетом уже растущих лука-слизуна и зелёного лука, огородный набор стал вполне полным. Чернозём на севере был на редкость щедрым: стоило лишь бросить семена да полить водой, и всходы не заставляли себя ждать даже без удобрений.

Увидев невестку, Хуанянь отложил инструмент, ополоснул руки и пригласил её присесть.

Когда Вэй Люхуа пересказала подслушанный разговор госпожи Чжоу и госпожи Чжао, Хуанянь лишь удивленно вскинул бровь. Подробности дела о похитителях в деревне знали только те, кто пировал в доме главы клана — уездный судья Ван велел не разглашать детали до конца следствия. Хуанянь строго-настрого запретил Цзюцзю и Чуньшэну болтать лишнее, так что женщина и не знала, в какую историю влипла её свекровь.

— Значит, Цю Фу и Цю Гуя схватили, и они до сих пор не вернулись?

— Говорят, уже полмесяца прошло. Госпожа Чжоу совсем извелась, вот вчера и пришла требовать ответа.

Хуанянь кивнул. По совести говоря, братья Цю были лишь пешками в этом деле и не участвовали в других преступлениях банды. Если судья Ван до сих пор их не выпустил, значит, ниточки тянутся куда глубже, чем он предполагал.

Судья действовал стремительно, и семья Цю, не имея возможности разузнать подробности, скорее всего, даже не догадывалась, какую роль в этом сыграли сам Хуанянь и Ду Юньсэ. Иначе они бы не к госпоже Чжао бегали, а ломались бы прямо в эти двери.

Юноша покачал головой и сменил тему:

— Значит, госпожа Чжао и остальные собираются в город, чтобы сопровождать Ду Юньцина на экзаменах?

Люхуа усмехнулась:

— Вовсю пакуют тюки. Через день-два отчалят. Больше месяца их не будет — наконец-то я вздохну свободно и смогу без опаски бегать к родне за сахарной свеклой.

Запасы сахарной свеклы у Хуаняня почти иссякли, и невестка, не желая терять заработок, пеклась о деле.

— Знаешь, — задумчиво произнес Хуанянь, — мне кажется, сахарная свекла из твоей деревни слаще, чем в других местах.

— Должно быть, потому что его там испокон веков растят. Каждый раз на семена оставляют самые крупные и крепкие корни, вот он постепенно и налился сахаром.

Хуанянь призадумался.

«Сахарная свекла, из которой в моем прежнем мире добывали сахар, была плодом долгой селекции. А раз так, почему бы мне не заняться выведением сортов здесь, в глубокой древности?»

Сначала он хотел просто выкупить лучшие семена, но вовремя сообразил: сладость корней из деревни Люхуа может зависеть не только от сорта, но и от почвы, воды или климата. Стоит перенести посадки в другое место, и затея может обернуться прахом.

— Когда в следующий раз пойдешь к родителям, скажи тем, кто захочет подзаработать: пусть отберут лучшие семена, удобрят землю и посадят сахарную свеклу у себя. Если корни вырастут слаще прежних, я буду скупать их по три вэня за цзинь.

Хуанянь решил сперва дать шанс жителям той деревни. Три вэня за цзинь... Один корень весит около двух цзиней, значит, за него можно выручить шесть вэней — почти как за два куриных яйца!

Глаза невестки вспыхнули — ей самой впору было бежать в родную деревню возделывать грядки. Братец Хуа никогда не бросал слов на ветер. Раз он так говорит, значит, свеклу и впрямь можно сделать слаще. В глуши деньги достаются тяжким трудом, и Люхуа решила во что бы то ни стало убедить отца и братьев взяться за это дело со всей серьезностью.

Они еще немного поболтали, прежде чем гостя засобирались домой. Как раз поспел свежий пареный мянцзинь; Хуанянь отрезал несколько ломтиков и завернул ей для Ю-гээр. Растительный белок был сейчас необходим ребенку для сил.

Люхуа с благодарностью спрятала сверток на дно корзины и, вспомнив о важном, добавила:

— Братец Хуа, ты велел мне приглядывать за Ли Гуэр. Я глаз с неё не спускала, но пока не видела, чтобы она пускала в ход те бумажные свертки, о которых ты говорил.

Хуанянь вспомнил встречу на горе, когда Гуэр вела себя подозрительно, и вновь нахмурился.

— У вас в доме никто не жаловался на внезапное недомогание?

— Да нет, все в добром здравии. Ты думаешь... — женщина побледнела, — ты думаешь, там отравы?

Она лихорадочно принялась вспоминать:

— Воду в дом всегда носит Юньху, а готовлю я сама. Если бы она что подсыпала, мы бы мигом почувствовали неладное.

— Это лишь догадка. Может, там что-то иное. В любом случае, будь начеку.

Люхуа еще раз поблагодарила его, не в силах скрыть дрожи:

— Слава небу, через пару дней она уедет в город. Хоть Ю-гээр будет в безопасности.

А что до Баоцюаня, Юньцзина, госпожи Чжао и Фубао?

«Да кому они сдались!»

Вэй Люхуа было глубоко безразлично их будущее. Если бы Юньху не был так нерешителен и нашелся бы достойный повод, невестка давно бы настояла на разделе семьи.

Цю Хуанянь полагал, что родственники из дома Цю не посмеют винить его в бедах братьев, но ошибся. Тем же днем, когда он торговал сахаром в городке, в лавку соевого творога вихрем ворвался Мэн Удун.

— Хуанянь! Бросай торговлю, скорее домой!

Мэн Юаньлин, стоявший рядом, испуганно вскрикнул:

— Второй брат, да что стряслось-то? Говори толком!

Юноша спокойно прикрыл корзину с сахаром крышкой. Удун, отдышавшись, выпалил:

— Твоя родня нагрянула в деревню! Целая толпа, перегородили вход, никого не пускают! Даже из соседних деревень люди сбежались на это зрелище. Я мимо проходил, услышал людские толки и сразу к тебе.

Тот нахмурился:

— И что же они кричат?

— Требуют тебя, честят последними словами за непочтительность. Твой отец тоже там... И он... он держит в руках поминальную табличку твоей покойной матери...

Юаньлин, не сдержавшись, сплюнул:

— Тьфу! Сами же продали Хуаняня, знать его не хотели, а теперь о долге вспомнили! Какая там к черту непочтительность? Но видать, нарочно выбрали время, когда его дома нет, чтобы посильнее дело раздуть! Любой бы в округе сказал им, что юноша торгует в городке пополудни.

Раз весть дошла даже до прохожих, значит, семья Цю решила сперва заклеить его в глазах людей, чтобы потом было легче вить из него веревки.

— Я сейчас же запрягу мула и поеду, — бросил он.

— Ступай! И будь осторожен. Сахар я сам допродам.

Цю Хуанянь погнал повозку к деревне. На полпути он встретил Баожэня с женой, которые вышли ему навстречу. Когда они втроем добрались до околицы, крики и плач незваных гостей были слышны издалека.

— Сюэээр! Глянь на своего сына! — вопил Цю Чуаньцзун, отец Хуаняня. — Он мстит мне за то, что я от нужды его продал, и бросает родных братьев на погибель!

— В тот голодный год у всех животы к позвоночнику прилипли! Мы продали его, чтобы он выжил! Не будь того, разве пил бы он сейчас чай на золоте в достатке?

Госпожа Чжоу, мачеха, вторила мужу:

— Сестрица Мэй, ты рано ушла, не видишь, какое змеиное отродье вскормила! Поминальную табличку к нему принесли, а он и выйти поклониться не желает!

— Пусть он теперь чужого рода-племени муж-воспитанник, но кровь-то в нем наша, Цю! О родителях не тужит, сам сладко ест да мягко спит! Совесть свою собакам скормил!

У входа в деревню Ду Цю Чуаньцзун и его жена, обливаясь крокодильими слезами, прижимали к груди бумажную табличку с именем Мэй Сюэээр. Вокруг них плотным кольцом стояли около десятка соплеменников из Шанляна, преграждая путь жителям деревни Ду.

Глава клана Чжэньхэ сегодня уехал в город навестить Юньчэна и закупить припасы для его экзаменов, так что в деревне не осталось никого, кто мог бы властью своей приструнить смутьянов.

Со стороны деревни Ду стоял Ду Юньсэ. Его благородное лицо потемнело от гнева, слова так и рвались с губ, но, глядя на отца Хуаняня и святыню в его руках, он вынужден был сдерживаться. Родня нашла верное средство: какую бы обиду ни таил юноша на близких, он не мог выказать неуважения к покойной матери. Пока они стояли под защитой имени Мэй Сюэээр, никто в деревне Ду не смел даже пальцем их тронуть.

Кто-то из деревенских заметил повозку и с облегчением крикнул:

— Хуанянь! Хуанянь вернулся!

Хотя разумом люди понимали, что тому нелегко будет выпутаться из этой ловушки, в сердцах жителей деревни Ду жила твердая вера: раз он здесь, значит, найдется и выход.

Завидев его, шанлянцы принялись кричать еще пуще.

— Неблагодарный сын! Как у тебя совести хватило явиться!

— Волчонок! Родителей забыл! Зря семья Цю на тебя хлеб тратила!

— Такого злонравного гээр муж должен с позором выгнать и продать!

— Отдавай всё, что нажил, роду Цю, не то с места не сойдем!

— Коли осталась капля совести — иди в управу и проси, чтобы братьев твоих отпустили!

Юноша под защитой Баожэня и Мэн Фуюэ пробрался сквозь толпу к Ду Юньсэ. Встретив его встревоженный взгляд, он лишь ободряюще улыбнулся и повернулся к пришельцам.

— В управу? Просить за Цю Фу и Цю Гуя? А что, их схватили? И что же даст моя просьба? Разве я тайный родич уездного судьи, чтобы указывать ему, кого миловать?

Этот прямой и ясный вопрос заставил крикунов осечься. Не могли же они при всем честном народе признаться: «Твои братья подрядились тебя украсть, да попались, так иди и вызволяй их!»

Зрители из деревни Ду и соседних сел наострили уши. И впрямь, если парней взяла стража, при чем тут Хуанянь?

— Ты... ты! — Цю Чуаньцзун запнулся, не зная, что соврать.

— Какое мне дело до их бед? — Хуанянь изобразил полное неведение. — Расскажите-ка сперва толком, в чем их вина, а там и подумаем, стоит ли за них просить.

Отец его окончательно смешался, но госпожа Чжоу, чьи глаза хитро блеснули, мгновенно нашлась:

— Хуанянь, не строй из себя дурачка! Не ты ли жаловался на бедность мужа своего и просил родню найти тебе партию побогаче? Твои братья лишь хотели помочь тебе вырваться из нужды, да по незнанию связались с лихими людьми из шайки похитителей! Ты не имеешь права их бросать!

Она говорила громко, то и дело поглядывая на Ду Юньсэ. Мачеха была уверена: ни один мужчина не стерпит подобного позора. Даже если нет улик, стоит Юньсэ хоть на миг усомниться в верности мужа, и Хуаняню придется пойти на мировую, чтобы замять скандал.

Но юноша даже не вздрогнул. Он спокойно повернулся к мужу:

— Ты веришь этому?

Ду Юньсэ посмотрел на него со спокойной, безграничной верой:

— Это сущая нелепица.

Тот негромко рассмеялся:

— Слыхала? Мой муж говорит, что это вздор. Твоё коварство, мачеха, слишком дешево стоит.

Толпа, в которой уже начали шептаться, тут же притихла. Раз сам муж верит и не сомневается, то и другим лезть не след. Любовь этой пары была крепче стали, и желающих прослыть пустомелями не нашлось.

Госпожа Чжоу не верила своим ушам. Где это видано, чтобы мужчина не почувал угрозы своей

чести? Верно говорила госпожа Чжао: Хуанянь стал настоящим лисом-оборотнем, затуманил разум Юньсэ своими чарами!

Видя, что жена терпит поражение, Цю Чуаньцзун наконец выложил свой последний козырь.

— Когда тебя отдавали в дом Ду, ты шел как муж-воспитанник, но мы не подписывали бумаги о продаже! Вы с Юньсэ еще не обвенчаны по всем правилам, а значит, ты всё еще принадлежишь роду Цю!

Под пристальными взглядами односельчан он победно осклабился и, прищуriv мутные глаза, прошипел:

— Воля родителей — воля Небес. Если не покоришься моему слову, завтра же пойду в управу с жалобой, а потом найду перекупщика и продам тебя с молотка по-настоящему!

<http://bllate.org/book/15363/1372836>